

Белькова Виктория Витальевна.

Родилась в Балухаре, Иркутской области, Черемховского района в 1966 году, в семье сельских интеллигентов. Отец Виталий Михайлович Маньков всю жизнь проработал в сельском хозяйстве на руководящих должностях – сначала управляющим отделением, потом главным агрономом совхоза «Красный забойщик». Мама Любовь Ивановна Манькова (в девичестве Черникова) по образованию учитель математики, работала педагогом в школе и детском саду. Раннее детство до семи лет прошло в Балухаре. В 1973 году родителей, в связи с новым назначением отца, переехали в село Рысево, где Виктория осенью этого же года пошла в первый класс Рысевской средней школы, которую окончила в 1983 году и поступила в Дальневосточный технологический институт бытового обслуживания населения в г. Владивосток. По семейным обстоятельствам институт окончить не смогла. В данный момент имеет неоконченное высшее образование по

специальности «Конструирование женской одежды» и диплом Черемховского педагогического колледжа по специальности «Дошкольная педагогика». Работала учителем в школе, воспитателем и заведующей детским садом. После ликвидации сада в 2000 году – домохозяйка. Занимается вместе с мужем ведением личного крестьянского хозяйства. Замужем за Бельковым Андреем Викторовичем с 1986 года, мама четверых детей, бабушка шестерых внуков.

Творческий путь.

Еще в школе любила писать сочинения и не боялась экзаменов по сочинению. Благодарна своим школьным педагогам - словесникам за любовь, которую они привили к литературе и русскому языку. Стихи пробовала писать еще в школьные годы. Более серьезно занялась сочинением с 2013 года, когда по совету одноклассницы Ирины Николаевой начала публикацию своих стихов на сайте СТИХИ.РУ. Сочинения в прозе начала писать годом позже. Первой пробой пера стал очерк в 12 частях о жизни своей дорогой бабушки Соболевой Веры Сергеевны, который так и называется «Вера». «В какой-то момент я поняла, что являюсь носителем информации об очень неординарном, глубоко верующем человеке, о человеке уходящего поколения. А так хотелось, чтобы историю жизни Веры Сергеевны узнали в первую очередь ее правнуки. По совету близких отправила очерк в местную газету, где к моему удивлению, его не только опубликовали, но и потекли отклики со словами благодарности от знакомых и незнакомых мне людей.»

На данный момент в творческой копилке Виктории Витальевны порядка 270-ти стихов и 215 сочинений прозы. Как человеку верующему, рожденному в советское безбожное время, ей интересен путь неверующего человека к ВЕРЕ, чудесное участие Господа, Богородицы и святых в жизни человека, когда люди в трудные моменты своей жизни обращаются с молитвой к Богу. Это и является, в основном, темой её прозы и стихов.

Публикуется в Самарской православной газете «Благовест» и журнале «Лампада», с редакцией которых связывает многолетняя дружба. И на других интернетресурсах – «Ветрово», «Одноклассники», «Фэйсбук» и пр.

Является членом общероссийской общественной организации «Российский союз писателей» с 5 мая 2016 года, номер членского билета 6616.

В 2019 году награждена юбилейной медалью А.А. Ахматовой, серия удостоверения 1119 номер 2297.

Неоднократно становилась победителем и призером конкурсов на сайте ПРОЗА.РУ. Более подробную информацию можно получить на её страничках:

<https://proza.ru/avtor/viktoriyabelkov>

<https://stihi.ru/avtor/viktoriyabelkov>

Из всего написанного ею наиболее дороги стихотворение «Возвращение», очерки «Нечаянное паломничество», «Солнечные зайчики», «Саянскими тропами» и, конечно, «Голубчик или где живет душа». Последний очерк вошел в юбилейный сборник к 20-летию «Благовеста», как лучшая публикация 2018 года.

**Как тихо в доме, лишь скребутся мыши,
Им дела нет, что сон нейдет с ночи...
Опять вот прохудилась нынче крыша,
Да ива дятлом под окном стучит.
Вчера стирала мужнины рубашки
И стопочкой сложила на столе...
Сходить бы на могилку у овражка,
Когда была то нынче? В феврале...**

**Вкруг дома понакренилась ограда,
Расчистить бы тропинку меж раakit...
И надо бы траву скосить у сада,
Но силы нет. Пускай уже стоит.
Сварить бы суп, ведь завтра праздник вроде?
Да ладно, обойдусь и сухарем.
Мне б новости услышать о погоде,
Коли до завтра, Бог даст, доживем.**

**Вчера денек мне выдался нелегкий –
Сосед затеял ругань о меже.
Чего же из старухи вить веревки?
Два метра вниз давненько ждут уже...
А дети словно птицы разлетелись,
У каждого из них своя семья,
К себе зовут, но что же, в самом деле,
Им, молодым, мешаться буду я?**

**И храма нет, а мне бы помолиться
И душу покаянием омыть,
Воды из родника живой напиться...
Зарос родник. Самой не обновить...
– Ну, здравствуй, Шарик! Что развесил уши?
Аль давит цепь? Ну, ты уж потерпи.
Иль сердишься, что лезу снова в душу?
Не буду, друже, ты меня прости.**

Поговорить то, вроде, больше не с кем,
На Ваську хоть ворчи, хоть не ворчи –
Ведь голову отъели уже мыши,
Но он лишь, знай, мурлычет на печи.
А с Богом мы беседуем ночами,
Я говорю – Он слушает меня.
Своими надоела я речами,
Я будто тот репейник у плетня.

А Он все терпит – Милостивец Боже,
Молчит, внимает бережно, любя.
Молчанье мне Его всего дороже,
Ведь только Он всегда поймет меня.
Но скоро собираться мне в дорогу,
Во сне вчера пришли отец и мать...
Еще день прожила – и Слава Богу!
Теперь уже не страшно умирать.

Первое место в конкурсе «Лауреат - 42» Фонд МФ ВСМ
Публикация рассказа в журнале "Лампада"
№5(209) май 2016
blago91@mail.ru

Часовой

«Ни от какого нищего не отвращай
лица твоего, тогда и от тебя не отвратится
лице Божие»
(Тов. 4; 7)

Выходя из храма, Рита торопливо перекрестилась и направилась к воротам. На носу первое сентября, а еще столько нужно купить! И детям, и себе.

Нищие на паперти улыбались, тянули к ней ладошки и стаканчики для подаяний. Рассовывая монеты в протянутые руки, Рита бросила взгляд через дорогу. У ворот городского рынка, расположенного напротив храма, стоял Володя, Вовка, как все его называли. Стоял на своем месте, как всегда.

В прежние времена Вовка, как и все, просил милостыню у ворот церкви. Но однажды, чего-то не поделив с другими завсегдатаями паперти, был выдворен в ссылку – через дорогу, к воротам рынка. Людей, шедших на рынок, было в разы больше, чем людей, идущих в храм. Особенно хорошо это было видно в те дни, когда рабочий день рынка совпадал с церковной службой. Поток пешеходов, торопливо семенящих от маршрутной остановки, вливался рекой в ворота рынка. И только тоненький ручеек людей, идущих в храм, отделялся от этого мощного течения и направлялся к церковной калитке. Казалось бы, просить милостыню у рынка выгоднее, чем у храма. Ан, нет – тонкий ручеек подавал и чаще, и охотнее. И это было

проверено. Вовка тянул свою тощую шею в сторону храма, но перейти дорогу опасался.

Вообще, это удивительное соседство – храма и рынка. Сама атмосфера рынка располагает впасть во все тяжкие: кто-то кому-то нагрубил, кто-то кого-то обсчитал, кто-то кого-то обокрал. Сама атмосфера храма призывает человека к покаянию, утешает обиженных. А нищие на паперти храма – это вообще особый разговор. Еще неизвестно кто кому нужнее – мы им или они нам.

Здание храма старенькое, довоенной постройки. Уже давно шли разговоры о строительстве нового храма. Городские власти даже выделили землю под строительство – пустырь между храмом и рынком. Были завезены стройматериалы. Но администрация рынка решила, что упускает нереализованные возможности и... обнесла пустырь бетонным забором. В свою пользу. Шли «лихие» девяностые. Городская власть проявила верх слабости. Кто успел, тот и съел.

Настоятель храма старенький отец Исидор вскоре почил. Осуществить свою мечту – строительство храма – священник, прослуживший почти полвека у престола Божия, так и не смог. Но не задержался на этом свете и директор рынка – скоропостижно умер в расцвете лет. Бог поругаем не бывает. А бетонный забор остался, и рынок вплотную подступил к воротам храма.

Рита часто вспоминала эту историю. А сейчас, направляясь через дорогу, приготовила гривенник для Вовки. Он, издали увидев ее, лыбился, растягивая губы в ниточку. Едва Рита поравнялась с Вовкой, как тот прогнусавил:

– За покупочками пошла?

– Угу, – мыкнула Рита, бросив монетку в протянутый стаканчик.

Это сейчас у Риты с Вовкой мир. А раньше... Но об этом чуть позже.

Контингент на паперти храма меняется в зависимости от дней недели или времени года. В праздники и по теплой погоде народу прибавляется. Но основной костяк остается постоянным.

Двойняшки Катя и Валя ровесницы Ритиному мужу, но это не мешает им называть его дядей. Как дети, честное слово. И сразу вспоминаются евангельские слова Христа: «...истинно говорю вам, если не обратитесь и не будете, как дети, не войдете в Царство Небесное» (Мф. 18; 2:3). По характеру сестры очень разные: взбалмошная, с ленцой Катя и серьезная, рассудительная Валя. Они никогда не учились в школе. Рано осиротели и с тех пор не имеют ни одной близкой души, кроме друг друга. Может быть, поэтому во всех понравившихся людях они видят своих родственников. Просто однажды объявляют тебе, что ты их родственник или родственница. А через какое колено – это только им одним ведомо.

Еще в основной «отряд ребят» с паперти входит Зина – сумочница. Сумочницей ее прозвали за привычку все свое носить с собой. На Зине, как на капусте сто одежек, поэтому худенькая беззубая Зина всегда имеет внушительные размеры. Кроме того, у нее всегда с собой связка из трех-четырех сумок, набитых барахлом. Зина бесконечно роется в своих сумках, и из-за этого пожертвованные монетки часто ей не достаются. Но Зина не обижается, а лишь беззубо улыбается.

Когда Володя еще не был изгнан от ворот храма, он тоже входил в основной костяк паперти. Неопределенного возраста, маленький и тщедушный, с потемневшей от постоянного пребывания на воздухе кожей, он похож на состарившегося гадкого утенка, который так и не превратился в прекрасного лебедя. Торчащая тощая шея только усиливает его схожесть с утино-гусиным семейством. Его голос, неприятный и гнусавый слышен издали. Но замечательные у Вовки глаза – удивительного

синего цвета. Таких глаз Рита никогда не видела. В храм Вовка никогда не заходит. Почему – неизвестно. Другие нищие заходят, а он – нет.

Как-то издалека приехал отец Владимир, бывший настоятель храма и Вовкин тезка. Рита видела, как отец Владимир – могучий, под два метра ростом, одной рукой, смеясь, сгреб Вовку в охапку и приподнял над землей:

– Ну, что? Жив, курилка?

Вообще, священники Вовку любят. Живет Вовка неизвестно где. Говорят, у какой-то дальней родственницы то ли в летней кухне, то ли в сарае. Родственница пускает его ночевать за определенную плату. А когда Вовка не набирает нужную сумму и не приходит домой, родственница сама является к нему на «пост» и пускает в ход кулаки, требуя деньги. Однажды Вовкино избиение родственницей увидел отец Николай, нынешний настоятель храма. Отец Николай отнял Вовку у разъяренной женщины и дал пятьсот рублей, чтобы она его больше не била. Люди на паперти восхищенно говорили: «Вот какой у нас батюшка!»

У Риты же с Вовкой была своя история. Довольно давно Рита торговала молоком со своего подворья, а нераспроданное молоко в небольшом количестве приносила людям на паперти. Когда это случилось в первый раз, Рита замерла в нерешительности – кому из нищих отдать молоко? А они, видя ее замешательство, дружно высыпали мелочь из своих стаканчиков и, по-детски счастливо улыбаясь, протянули стаканы Рите.

– Помыть бы стаканы то, – неуверенно протянула Рита.

– Ничего! Здоровее будем!

Рита смотрела, с каким удовольствием смакуют каждый глоток молока эти Божьи люди, и думала, что ничего их не берет: ни мороз, ни ненастье, ни инфекции. Потому что Господь хранит.

Потом обстоятельства в семье Риты изменились. И она больше не торговала молоком. И не приносила остатки молока к церковной паперти. Все к этому отнеслись с пониманием. Все, кроме Вовки.

Завидев Риту, Вовка радостно вопрошал:

– Мама, молоко есть?

– Нет, – Рита отрицательно мотала головой.

– Потом привезешь?

Рита неопределенно пожимала плечами.

– Ну, ладно, – успокаивался Вовка.

Поначалу это общение не особо надоедало Рите. Но время шло. А Вовку, как запрограммировали. Он снова и снова спрашивал о молоке. Рита пыталась объяснить ему, почему она не привозит молоко, но он как будто не слышал ее. Каждый раз опуская монету в Вовкину кружку, женщина слышала:

– Мама, молоко есть? Нету? Ну, ладно, потом привезешь.

Рита стала прятаться от Вовки и вообще не вступать с ним в разговор. Она старалась прошмыгнуть мимо него незаметно, спрятавшись за спины прохожих. И, казалось, Вовка действительно не видит приближающуюся Риту. Но едва поравнявшись с Вовкой, та понимала, что он ее заметил, торопливо ускоряла шаг, а в спину уже несло:

– Мама, молоко есть? Нету? Потом привезешь? Ну, ладно.

Вовка уже не ждал, что Рита с ним заговорит. Он задавал вопросы и сам же на них отвечал. А Риту раздражало буквально все. И то, что Вовка называл ее мамой.

Какая она ему мама? Он старше ее лет на пятнадцать. Раздражал гнусавый Вовкин голос. И то, что люди обращают на них внимание.

Что-то еще мучило Риту во всей этой истории, но что именно, она никак не могла понять. «И что он ко мне пристал? Тысячи людей идут мимо – и ничего. А мне прохода не дает!», - недовольно думала Рита, завидев вытянутую гусиную Вовкину шею. И, вжав голову в плечи, звякала монетой о дно Вовкиного стаканчика, панически убыстряя шаг. А удаляясь, слышала:

– Мама, молоко есть?.. – и далее по тексту.

Так продолжалось несколько лет. Но вдруг, Вовка замолчал. Когда это случилось, Рита не сразу осознала произошедшее. Вовка при встрече просто улыбался, бормоча благодарности за брошенную мелочь.

Конечно, это Ритины догадки, но ничего не бывает случайным. Просто однажды, отходя от Вовки, Рита подумала: «А ведь это, возможно, мои нерожденные дети через Вовку просят у меня молока». И грех то этот был у Риты вроде бы осознан и оплакан, и почти забыт. Но эта неожиданная мысль так пронзила все существо Риты, что сомнений не оставалось: не до конца осознан, недостаточно оплакан.

Знал ли об этом Вовка? Вряд ли. Было ли его поведение сродни юродству? Возможно. Несомненным для Риты было одно: не зря доставал он ее своей просьбой. Бог хочет спасти каждого из нас, посылает на нашем пути различные обстоятельства и людей. Только мы не всегда хотим это замечать.

Незаметно прошло Ритино раздражение на Вовку. И голос его уже не кажется таким гнусавым. И Рита даже стала скучать о тех временах, когда Вовка называл ее мамой. Ну и пусть бы называл. Что, от нее убудет что ли? Но Вовка больше не называет. А Рита, чувствуя свою вину перед ним за прошлое, припасает для него гостинчик или купюру покрупнее – к празднику.

Вовка и сейчас стоит у рыночных ворот, тех, что напротив храма. И не страшен ему ни сибирский сорокаградусный мороз, ни злые метели, ни летний зной, ни проливные дожди. Стоит он на своем посту, изгнанный даже с церковной паперти. Стоит как безсменный часовой. Совесть нашу охраняет.

Первое место во втором конкурсе имени Николая Иваненко "Хороший человек"

Вера

«Не говори людям о Боге, если тебя не хотят слышать. Живи так, чтобы тебя спросили о Нем.»

Патриарх Сербский Павел

Есть в нашей жизни люди-светоносцы. И эта их способность – нести свет людям – не зависит ни от социального статуса, ни от образования, ни от финансовой значимости. Способность согреть ближнего теплом своей души измеряется у этих солнечных людей не земными мерками, а шкалой совсем иного мира, нам, здесь живущим, пока невидимого. Божьего мира.

Вера – так зовут мою любимую бабушку Соболеву Веру Сергеевну. Верунька - так звали ее родители. Она рано осталась без матери. Полуторагодовалую Верочку на похоронах матери клали в гроб с причитаниями: «Возьми ее с собой! На кого ты ее оставила?» Бабушка, передавая мне этот рассказ, говорила без обиды. Взяли Веруню

на воспитание дед Илья и баба Анна, люди простые, но очень благочестивые. Скорее всего, от них она переняла веру в Бога, которую пронесла в своем сердце через все советское лихолетье.

Детство Веры пришлось на послереволюционную пору. Дед Илья с женой и сами перебивались с хлеба на воду, а тут еще маленькую внучку нужно было поднимать. Решили восьмилетнюю Веруню отдать в няньки в семью ее зажиточного дяди из соседнего села. Бабушка вспоминала об этом с улыбкой: «Мне и самой еще нянька нужна была». Кормили в семье дяди досыта, да жизнь у малолетней няньки была несладкая. Об этом говорила она скупно: «Приходилось белье зимой в Иде (приток Ангары) полоскать. А стала постарше, стала убегать домой, к деду, бабе. Дядя с тетей приедут, уговаривают меня: «Поедем, Верунька, к нам, мы тебе пальто с воротником купим!». Я и соглашусь». Так повторялось несколько раз. Но пальто с воротником никто покупать не торопился. И однажды Вера не поехала: «Кинулась в ноги деду с бабой и кричу: «Дедонька, бабонька! Я все-все дома делать буду, у порога спать буду, только не отдавайте меня к ним!», – и не поехала с тех пор!»

Вера всю войну ждала мужа. Работала в тылу, в колхозе, своим трудом приближая победу. Жила она с маленьким сынишкой в семье своего другого дяди – председателя колхоза. Жене дяди, Таисье, это, видимо, было не по душе. Про то время бабушка рассказывала: «Приду, бывало, с работы поздно. В колхозе работали от зари и до зари. Тася своих детей покормит и с ними на печи спит уже, а мой Виталька ползает голодный по холодному полу. Покормить мне его нечем. Голод был. Дам ему грудь пустую, так он голодный и уснет. Стала я потом кусочки хлеба для сына припасать. Или с работы иду, вижу, кто-то из соседей картофельные очистки на землю с помоями вылил. Вот я этих очисток наберу, дома вымою, в печи огонь раздую, да картофельную кашу сварю».

Тяжело было слушать бабушкины рассказы. Несмотря на пережитое, баба Вера всегда поддерживала связь с родственниками дядиной семьи. Тася в молодости потеряла ногу – попала под колесо грузовой машины. Раньше я не понимала, почему эта старенькая женщина с протезом и на костылях каждый раз обнимала мою бабушку и с плачем причитала: «Прости меня, Верочка! Прости!» Баба Вера тоже плакала: «Война была, ВОЙНА!»

В сорок четвертом пришла похоронка на мужа. Второй раз вышла замуж тоже за фронтовика. Много работала. Пятнадцать коров доила в колхозе руками. Всем женщинам дояркам кто-то помогал. Только у Веры помощников не было. Зато она помогала всем. Заболел ли кто, – зовут Веру. Приходилось доить свою группу коров и группу заболевшей доярки. Стали болеть руки. Не смогла выносить второго сына, после чего детей Господь уже не посылал. Зато всю свою материнскую нежность и любовь она отдала единственному сыну и нам с сестрой – ее внучкам. Уже в преклонном возрасте она обращалась к своим рукам, как к живым: «Ох, ручки, мои рученьки! Сколько же вы поработали!»

Бабушка очень баловала нас. Помню, как она сшила себе у портнихи новое платье. Как и все ее наряды, оно было простеньким. Единственное украшение платья – три крупных пуговицы – переливались разными оттенками красок и смотрелись, как три броши. Мне было года четыре, и эти пуговицы представлялись настоящим сокровищем. «Хочу эти пуговицы!» – было первое, что я сказала, увидев платье. Никакие уговоры и доводы на меня не действовали. Я стояла на своем. Бабушка любила нас неземной любовью. Она взяла ножницы и отрезала пуговицу. Но мне одной мало, я требую все три! Смирности этой святой женщины нет предела – она

отрезала все три пуговицы с нового платья на потеху любимому чаду. Развязка произошла в считанные минуты. Пуговицы не уместились в моей маленькой ладошке, одна из них выпала и легко проскользнула в щель между старыми разохшимися половицами. Напуганная и пристыженная, я сама вернула две оставшиеся пуговицы, которые баба Вера тут же пришила. Так на платье и осталось пустое место. Воспоминания об этом до сих пор жгут меня стыдом. В нашей семье около полувека хранится одна из тех бабушкиных пуговиц. И эта семейная реликвия дороже мне многих сокровищ.

Бабушка обладала удивительной памятью. Она получила всего два класса образования. Но, говоря о любом своем знакомом, точно называла день рождения его и членов его семьи, дни свадьбы, дни поминаения и другие памятные даты. Имея светлую голову, она не препятствовала образованию любимого сына. Гордилась ли мать сыном? Думаю, что да. Но говорила об этом без хвастовства и даже с присущей ей иронией: «Раньше звали меня всё Верочка да Верка, а как Виталя институт окончил, стали звать Вера Сергеевна.»

Каждый знает, как трудно бывает простить обидчика. И бабушка, преподнесла мне урок христианского прощения. В то время она работала няней в детском саду. Но так случилось, что помимо ее воли она была смещена на должность прачки, оторвана от своих любимых деток. Как она тогда плакала! И здесь удивляюсь я великому смирению этой поистине русской женщины. Когда сломалась старенькая стиральная машина, бабушка около двух лет стирала белье детишек на деревянной стиральной доске! Современное поколение таких уже и не помнит. Воду в прачку нужно было заносить на руках; слива не было. Вода грелась на угольной печи, которую тоже топила баба Вера. Но она не озлобилась, со всеми была по-прежнему приветлива.

Помню, на чьих-то похоронах бабушка встретила с одной из женщин, которая участвовала в ее смещении с работы няни. Эта женщина плакала и просила у бабы Веры прощения, жалуясь на свою жизнь. А та плакала вместе со своей обидчицей. Позже я возмущалась: «Баб, ну, как ты можешь ее жалеть? Она столько тебе гадостей сделала!» На что бабушка с неизменным смирением виновато ответила: «Чего уж теперь. Видишь, и у нее жизнь несладкая».

Она никогда не превозносилась, не ставила себя выше других. Всегда искренне хвалила человека, подбадривала. Будучи в гостях за столом, просила рецепты выпечки. Я спрашивала: «Зачем ты просишь рецепты? Ведь твоя выпечка – лучшая в мире!» Бабушка вздыхала: «А мне кажется, что у людей вкуснее».

Сколько баба Вера знала шуток, прибауток, частушек и поговорок! На каждое слово у нее была своя присказка. Люди любили работать с ней рядом. Когда тяжелый труд сдабривался шуткой, работалось легко, меньше уставали.

Где бы ни жили наши старики – везде их дом славился гостеприимством. В иные дни двери буквально не закрывались. И было удивительно наблюдать, как люди тянулись в этот дом. Но в первую очередь все-таки к бабушке. Хотя они с дедом очень гармонично дополняли друг друга. Грубоватый, прямолинейный и хозяйственный дед, и баба Вера – очень добрая, легкая в общении, всегда шутливо подтрунивающая над мужем.

Все у нее кипело в руках, все любила делать быстро: и по хозяйству управиться и гостей принять. Иногда она сама удивлялась: «И что люди к нам идут? Вот ни к кому не идут, а у нас сколько народа за день перебивается!»

О смерти она говорила: «Умереть бы так, чтобы никого не мучить, раз и готово!» И даже в таком совсем нешуточном вопросе она шутила, обращаясь к деду:

«Ой, Миша, умру я, рой сразу себе могилу и ложись рядом! Ведь каждый день плакать будешь, меня вспоминать».

И откуда была у нее такая уверенность, что она умрет первой, ведь она на одиннадцать лет была моложе деда? Дед, конечно, ухарски отшучивался, но все случилось именно так, как говорила бабушка. Умерла она раньше деда. Просто однажды, подоила корову, занесла молоко и умерла на руках у любимого сына. А дед, осиротев без своей Веры, пережил ее только на год, и действительно плакал каждый день.

За много лет до кончины баба Вера показывала, где лежит смертное – белье, саван. «А тапочки сами купите». Накануне смертного дня она сказала зашедшей в гости родственнице, что баночка со свежим топленным маслом стоит там то и там то. Родственница подивилась, зачем ей это знать? А когда этой женщине пришлось готовить горячий обед на помин бабушкиной души, то эта баночка с маслом очень пригодилась.

Действительно, тапочки пришлось покупать мне. Но даже такую простую обувь не всегда можно было купить в советских магазинах. В тот день работал единственный обувной магазин в городе. И я очень переживала, что не окажется нужного размера или фасона (шлепанцы же не оденешь). Но просто чудесным образом именно те тапочки, что были необходимы, ждали меня на прилавке магазина в единственном экземпляре. У меня нет сомнений, что здесь не обошлось без бабушкина молитвенного заступничества.

В последнюю ночь перед погребением разыгрался страшный ураган, хотя было начало ноября. Свет отключили. И мы последнюю ночь рядом с бабушкой провели при свечах. Свечи были парафиновые, и закончились как раз на рассвете. Молитв не знали, просто смотрели в как-то преобразившееся любимое лицо. Хоронить бабушку под звуки оркестра, как это было принято в те годы, нам показалось неуместным. От мысли об оркестре отказались сразу. Решили пригласить священника. Отпевал старенький отец Исидор. Он внимательно всматривался в лицо усопшей, спросил, когда умерла. Думаю, что батюшка вспомнил свою прихожанку. Слова молитв высушили наши слезы, умиротворили душу, вселили надежду, что когда-то, Бог даст, мы встретимся с нашей любимой и дорогой бабулечкой.